

- Моя мать сказала мне наедине, что на самом деле немного боится Хуай Цзиня, - Сяо Цзин казался немного насмешливым, когда говорил это. - Она специально не ходила к Хуай Цзиню, чтобы поговорить потом, и они всегда были очень вежливы, когда были вынуждены вести беседу. Хуай Цзиня на самом деле очень жалко, - улыбка Сяо Цзина стала грустной. - У моего отца был холодный темперамент, и он не был терпим к Хуай Цзиню. Позже я узнал, что он много страдал в горах. Брат не сказал. Мы все думали, что у него очень хорошая жизнь. Если бы это был я, то, вероятно, не продержался бы долго, и не потребовалось бы много времени, чтобы я сбежал оттуда, - мужчина насмешливо рассмеялся.

Бай Жунвэй успокаивающе похлопала его по руке:

- Глупости, ты можешь сделать всё просто отлично.

Сяо Цзин вспомнил год, когда Сяо Цзюэ только что спустился с горы. Он спросил этого младшего брата:

- Как там, на горе?

Мальчик потянулся и слегка улыбнулся:

- Неплохо.

Три слова "неплохо" скрывали все трудности, которые он перенёс, и единственным, что осталось снаружи, был энергичный молодой мастер Сяо.

- Другие говорят, что мой отец строг, а моя мать нежна, но моя мать не всегда оставалась с ним. Наконец он вернулся, но она была слишком вежлива, потому что боялась сына. Мама считала, что он любит сладости, поэтому часто готовила их для него. Хуай Цзинь ел эти сладко пахнущие османтусы каждый раз, даже я был обманут. Позже его близкие последователи рассказывали, что Хуай Цзинь никогда не ел сладостей. Но потому что так его мать выражала свою любовь к нему, Хуай Цзинь ел их. Даже если ему это не нравилось, хотя никто никогда не спрашивал его, что мой брат на самом деле любит есть.

Бай Жунвэй молча вздохнула.

- Хотя я его старший брат, кажется, я никогда не помогал Хуай Цзиню ни в чём. Другие всегда говорят, что он безжалостен и несправедлив, не так хорош, как я, но я знаю, что причина, по которой я могу быть ярким и красивым молодым человеком сегодня, заключается именно в том, что он много сделал для меня. Я понимаю правду, и он тоже её понимает. Теперь я сожалею, что мой отец не позволил мне присоединиться к боевым искусствам. Если бы я не стал государственным служащим, возможно, сегодня тем, кто нёс бы бремя семьи Сяо, был бы я. Хуай Цзинь не должен быть неправильно понят посторонними.

- Мы все знаем, что Хуай Цзинь много работал, - Бай Жун Вэй тихо сказала: - Отец и мать тоже знают.

Сяо Цзин посмотрел на мемориальную доску в Зале Предков и сказал:

- Когда он был ребёнком, Хуай Цзинь не был очень близок со своей матерью. Он не выдерживал общения и двух дней. Но на самом деле она была в сердце брата. Моя мать была робкой по натуре, легко пугалась и больше всего боялась грома. Каждый раз, когда раздавался гром, если Хуай Цзинь был в доме, он находил повод посидеть в комнате матери. Каждый раз, когда она видела Хуай Цзиня, то думала о том, как поладить с сыном, и забывала о грома. Когда дождь прекращался, Хуай Цзинь уходил. Сначала я ничего не понимал. Но как только грянул гром и пошёл дождь, я вышел с ним на улицу, и брат вдруг сказал, что ему нужно вернуться домой, как будто у него есть что-то важное. Вернувшись домой, он сказал, что хочет съесть сладко пахнущую османтусовую конфету, поэтому мама была занята его обслуживанием. Когда она готовила, я вдруг понял, что Хуай Цзинь, этот парень, просто боялся, что его мать испугается грома, поэтому он специально нашёл предлог, чтобы вернуться.

Услышав это, Бай Жунвэй тоже рассмеялась, покачала головой и сказала:

- Хуай Цзинь на самом деле...

- Жаль, что когда мама умерла, она не знала, что Хуай Цзинь думал о ней, - холодно сказал Сяо Цзин. - Если бы она знала это, возможно, результат сегодня был совершенно иным.

Бай Жунвэй крепко сжала его руку:

- Дух матери на небесах поймет.

- Он был со своей матерью до её смерти и после её смерти тоже. Пока он в доме, он будет приходить в Зал Предков, чтобы сопровождать мать всякий раз, когда начинаются гром и дождь, - Сяо Цзин слегка улыбнулся: - Это секрет, я никому не говорил, я думаю, Хуай Цзинь не хочет, чтобы другие знали.

Сяо Цзюэ был слишком горд. Он делал такие вещи, как нежный весенний дождь, беззвучно увлажняя вещи, но не требовал за это признание. Но в конце концов, подумав об этом всерьёз, было очевидно, что именно ему должны были воздавать по заслугам.

- Вот почему ты сказал, что если бы он был сегодня в столице, то тоже пришёл бы в Зал Предков, чтобы сопровождать свою мать, - Бай Жунвэй была слегка ошеломлена.

- Он такой человек, - улыбнулся Сяо Цзин.

Дым из курильницы плавал в воздухе и медленно рассеивался без следа. Люди прошлого стали прошлым, те, кто не проявлял заботы и дружеского общения, с тех пор уже не имели возможности объясниться.

- Мой дорогой, ты должен знать, - Бай Жунвэй взяла Сяо Цзина за руку и мягко сказала: - Хуай Цзинь сделал всё это, чтобы сохранить семью Сяо. Теперь Хуай Цзинь далеко в Лянь Чжоу, и Партия Сюй Сяна всё ещё считает семью Сяо таковой... Как бельмо на глазу, ты должен взбодриться и не позволить усилиям Хуай Цзиня пропасть даром.

Сяо Цзин был ошеломлён, затем улыбнулся и сказал:

- Я действительно знаю это.

- Я знаю, что ты любишь Хуай Цзинь, - Бай Жунвэй смягчила свой голос. - Но мне также жаль тебя. Хуай Цзинь несёт большую ответственность, как и ты, верно? Сюй Сянмин тайно подавлял семью Сяо, искал твои ошибки, как это может быть легко для тебя? Ты также должен быть осторожен в каждом своём шаге.

- Не волнуйся, - улыбнулся Сяо Цзин. - Самое трудное время прошло.

Бай Жунвэй мгновение постояла в замешательстве, а потом мягко улыбнулась и сказала:

- Ты прав.

* * *

Дождь продолжал стучать, и двор внутри столицы промок. В то время как за тысячи миль отсюда, в Лянь Чжоу, к окну прислонился человек. Его мантия синего шёлка свисала с плеч, выражение лица было задумчивым и тревожным. Откуда-то издалека доносился тихий голос, неизвестно кто, но кто-то напевал нежную мелодию его родного города. Он слушал и мягко улыбался.

Эта улыбка была немного самоуничижительной и немного одинокой. Через некоторое время он закрыл окно, отгородившись от ночи снаружи.

Свет в комнате медленно покачивался, отражая его сияющие, точно звёзды зрачки. На столе стояла длинная деревянная тарелка с рассыпанными зёрнами риса. Рисовые зёрна были в разных местах, и маленькие флажки, сделанные из красной ткани, были помещены в них.

Инструкторы Шэнь Хань и Лян Пин собрались вокруг стола, наблюдая за движениями Сяо Цзюэ.

- Капитан, это те места, где будут водружены флаги? Не слишком ли много?

- Не очень, - молодой человек держал шахматную фигуру из нефрита и указал ею на самый верхний красный флаг: - Семь дней спустя битва за флаг начнётся на горе Бай Юэ.

<http://tl.rulate.ru/book/41885/1407288>